

АЙМЕ КЯХРИК (Таллин)

О ФОРМИРОВАНИИ ПАРАДИГМЫ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Глагольное словоизменение в вепском языке как часть прибалтийско-финского глагольного словоизменения имеет ряд особенностей, одну из которых составляет наличие двух окончаний для каждого грамматического лица (см. табл. 1, А и В). Примеры к В приводятся здесь из южновепского диалекта¹:

-me: Sdj *mä mänęn da ištume mašalest* 'пойду подсяду к Маше'; *lavā muga pezlīme* 'и на полу я мылся'; Mgj < Krl *mä rodīme kortlahtes* 1976 : 65 'я родился в Кортало'.

-mō: Sdj < Vgj < Tsl *virzūhe keņgimō* '(мы) обулись в лапти'; *akad nā mēl golu mužikōden sobimō* 'вот женщины у нас — мы всегда одевались как мужчины'; Pož *ken mičid lōdāmā, sobimō, ukoks i tamšiks* 'кто какую (одежду) найдем — надеваем, (одеваемся) мужчиной и женщиной'.

-te: Sdj < Tut *pezete* 'моешься'; *panete* 'ложишься спать'; Pož < Tsl *mit sā sobite* 'что ты надеваешь'.

-tō: Sdj < Tut *veņčaitō* 'обвенчается'.

-sę: Sdj < Tut *keradase hēmōd* 'родня собирается'; Sdj *keradase ā rahvast nāhmhā* 'много народу соберется посмотреть'; Mgj *kaži pezese adivōks* 1976 : 69 'кошка умывается к приходу гостей'; *kōmaz ištuse rachale* 'третий садится на коня'; Sdj *kuverž keradase siverž joksob* 'сколько (народу) соберется, столько (ряженных) набегит'.

-sō: Sdj *ištusō sōhtāmhā* 'салятся поесть'; Mgj *kakš mešt sidosō, pologā krugom katasō, kōmaz ištuse rachale* 'два человека связываются вместе, покрывают все вокруг простыней, третий садится на спину'; Mgj < Krl *kulikod keradasō svadbha* 'ряженные собираются на свадьбу'; Ars *keradasō kāmōle* 1976 : 45 'собираются на могилы'.

-he: Sdj *ištūhe da ištub* 'сел и сидит'; *vañuška mān da pešhe* 'Ванечка пошел и вымылся'; *eht teghe* 'вечер пришел/наступил'; Bor < Sdj *devočk pañhe ukomu* 1976 : 34 'девочка легла со стариком спать'; Mgj < Sdj *svarbaks tehlethe* '(ряженным) замаскировались как на свадьбу'; Sdj *heboks tehlihe pologasrae i* 'лошадью нарядился простыней да'.

¹ Использованы магнитофонные записи сектора финно-угорских языков и сектора фольклора Института языка и литературы АН ЭССР (примеры без ссылки на источник), экспедиционные записи автора (год приводится после примера) и материалы СВЯ (Зайцева, Муллонен 1972).

-hō: Sdj *kerašhō kaik, ištūhō* 'все собрались вместе, сели'; *pañhō, magaspad, homencō nōsībad* 'легли спать, спали, утром встали'; Tut *mužikōđ sobihō, i me hēđmu mužikōmu* 'мужчины оделись, и мы вместе с ними, мужчинами'; Pož *üks mež libo kaks tolko külbelhō, ka mā en teda mida külbelhō* 'один или два человека купались, я не знаю, почему они купались'.

1.2. Если рассматривать всю парадигму глаголов, окажется, что в случае личных окончаний графы В в парадигму включаются еще *-te~de* во 2 л. ед. числа повелительного наклонения и основном глаголе отрицательной конструкции настоящего времени, а также *-ze~zhe~kse~se~s~stō~zō* (СВЯ; Viitso 1968 : 152, 155) в инфинитивных формах:

-de~te: Sdj *ištte šōhtāmhā* 'садись поесть'; Bor < Sdj *pande mindāmu!* — *em pande* 1976 : 34 'ложись со мной спать! — не лягу'; Pož < Tgl *et kāle ka grāh, et külpte ka grāh* 'если ты не ходишь, это грех, если ты не купаешься, это грех'; Vgj *ka eba antte kulikod trogaida* 'ряженные не дают к себе прикоснуться'.

-ze: Sdj < Šeik *vasale pannunze* 'лег на живот'; Mgj < Krl *mā rodnūze kortlahtes* 1976 : 65 'я родился в Кортало'; Tut *toine mužik möst nogō voidnūze* 'второй мужчина тоже замазал себя сажей'. Ср. еще следующие пары (СВЯ): P J Šim *ahavoita* 'обветривать' — P *ahavoitakse* 'обветриваться', K1 *ainastada* 'ткнуть' — K1 *ainastadaze* 'натывать', *ampta* 'стрелять, застрелить' — P *amptakse* 'застрелиться', *antta* 'давать' — P *anttakse* 'даваться', P *avaita* 'открывать' — P *avaitakse refl.* < *avaita* 'открывать', *ištta* 'сидеть' — P *išttakse* 'сидиться', *ka,ita* 'беречь' — J Vil *ka,itas* 'остерегаться'.

Данных об употреблении остальных личных форм повелительного наклонения очень немного, однако и здесь налицо использование окончаний из В (С и Ср).

1.3.1. Из вышесказанного следует, что в вепском языке спряжение глаголов одной группы отличается от спряжения остальных. Обозначим эту группу через В.

В вепском, как и в большинстве прибалтийско-финских языков (и диалектов), отсутствуют во 2 л. ед. числа повелительного наклонения признак наклонения и личное окончание. Практически формой 2 л. повелительного наклонения служит гласная основа глагола. Формально такой же вид имеет основной глагол отрицательной конструкции настоящего времени. Одинаковы названные члены и в парадигме группы В: как свидетельствуют приведенные примеры, мы имеем дело со следующей формой: (согласная) основа + суффикс *-te~de*. В некоторых прибалтийско-финских языках, в том числе и в вепском, выступает **-te* как словообразовательный суффикс с возвратно-транслативным значением, например, *lankten* 'я падаю' (Laanest 1975 : 187).

Если предположить, что и при 2 л. ед. числа повелительного наклонения и основном глаголе отрицательной конструкции настоящего времени мы имеем дело с основой группы В, окажется, что в парадигме В наряду со словоизменительными суффиксами (личными окончаниями) употребляется и словообразовательный. Суффикс, присоединяемый к инфинитивным формам и выступающий в некоторых формах повелительного наклонения (см. табл. 1), по своей позиции не является ни словоизменительным, ни словообразовательным суффиксом. Итак, набор суф-

фиксов в парадигме группы В отличается от такого в парадигмах других глаголов.

В качестве заглавных слов СВЯ приводит 306 глаголов с суффиксом *-kse ~ -se ~ -s*, большинство которых снабжено пометой *v. refl.*, т. е. возвратные глаголы. Эти глаголы в основном передают действие, производимое субъектом или происходящее в его интересах. (В грамматической системе какой-то иной языковой семьи о таком значении говорят как о медиальном залоге, напр., в греческом языке противопостав-

Суффиксы финитных форм вепского глагола

Таблица 1

		1	2	3	A			4		
					С	Ср	Ю	С	Ср	Ю
Индикатив презент	ед. ч. 1 л.						<i>n</i>	<i>mōi</i>	<i>moi</i>	<i>me</i>
	2 л.						<i>d</i>	<i>tōi</i>	<i>toi</i>	<i>te</i>
	3 л.						<i>b</i>	<i>zō ~ že</i>		<i>sε</i> <i>te</i>
	мн. ч. 1 л.	—	—	—	<i>m</i>		<i>mā</i>	<i>mōi</i>	<i>moiš</i>	<i>mō</i>
	2 л.				<i>t</i>		<i>tā</i>	<i>tōi</i>	<i>toiš</i>	<i>tō</i>
3 л.				<i>ba</i>	<i>s</i>	<i>ba(d)</i>	<i>zō ~ že</i>	<i>soiš</i>	<i>sō</i>	
Пассив	<i>ta ~ da</i>				<i>zō</i>	<i>s</i>		?	?	?
Индикатив имперфект	ед. ч. 1 л.						<i>n</i>	<i>mōi</i>	<i>moi</i>	<i>me</i>
	2 л.						<i>d</i>	<i>tōi</i>	<i>toi</i>	<i>te</i>
	3 л.	—					—	<i>he</i>	<i>hez</i>	<i>he</i>
	мн. ч. 1 л.		<i>i</i>	—	<i>m</i>		<i>mā</i>	<i>mōi</i>	<i>moiš</i>	<i>mō</i>
	2 л.				<i>t</i>		<i>tā</i>	<i>tōi</i>	<i>toiš</i>	<i>tō</i>
3 л.				<i>ba</i>	<i>he</i>	<i>ba(d)</i>	<i>he</i>	<i>hez</i>	<i>hō</i>	
Пассив	<i>t' ~ d'</i>	<i>(i)</i>		<i>he</i>		<i>he ~ hō</i>	<i>he</i>	?	<i>he ~ hō</i>	
Кондиционалис презент	ед. ч. 1 л.						<i>n</i>	<i>mōi</i>	<i>moi</i>	<i>me</i>
	2 л.				<i>d</i>		<i>d'</i>	<i>tōi</i>	<i>toi</i>	<i>te</i>
	3 л.	—		<i>iži</i>			—	<i>he</i>	<i>hez</i>	<i>he</i>
	мн. ч. 1 л.				<i>m</i>		<i>mā</i>	<i>mōi</i>	<i>moiš</i>	<i>mō</i>
	2 л.				<i>t</i>		<i>tā</i>	<i>tōi</i>	<i>toiš</i>	<i>tō</i>
3 л.				?		<i>ba(d)</i>	<i>he</i>	<i>hez</i>	?	
Пассив	<i>C ta ~ da</i>			—	?	?	?	?	?	
Кондиционалис перфект	ед. ч. 1 л.				<i>n</i>	<i>ñ</i>	<i>n</i>		<i>moiš</i>	<i>me</i>
	2 л.				<i>d</i>	<i>d'</i>	<i>d</i>		<i>toi</i>	<i>te</i>
	3 л.	—	<i>nu</i>	<i>iži</i>		—	—	?	<i>hez</i>	<i>he</i>
	мн. ч. 1 л.				?		<i>mā</i>		<i>moiš</i>	<i>mō</i>
	2 л.				?	<i>t</i>	<i>tā</i>		<i>toiš</i>	<i>tō</i>
3 л.				?	—	<i>ba(d)</i>		<i>hez</i>	<i>hō</i>	
Пассив	?			?	?	?	?	?	?	
Императив	ед. ч. 2 л.			—			—, <i>ške</i>	—	—	—
	3 л.						—	—	—	—
	мн. ч. 1 л.	—	—	<i>ka ~ ga</i>	<i>ha</i>		<i>m(ā)</i>	<i>mōi</i> } + <i>štō ~</i>	<i>moiš</i>	<i>zε + A</i>
	2 л.				<i>m</i>		<i>t(ā)</i>	<i>tōi</i> } + <i>žo ~</i>	<i>toiš</i>	<i>zε + A</i>
	3 л.						—	<i>že : Ø</i>	—	—
Пассив	?			<i>ha</i>	<i>ha</i>	—	<i>ha + zō</i>	<i>= A + z</i>	—	
					?	?	?	?	?	

1 — суффикс пассива, 2 — временные суффиксы, 3 — суффиксы наклонения, 4 — личные суффиксы; С — северновепский диалект, Ср — средневепский диалект, Ю — южновепский диалект. Данные таблицы: Viitso 1968 : 159 (С); Зайцева, Мулло-нен 1972 : 734—737 (Ср); записи автора 1969—1976 гг. (Ю). Знак вопроса свидетельствует об отсутствии данных. По техническим причинам С *zō ~ štō ~ žo ~ že*, Ср *z* и Ю *zε* в императиве помещены в графу личных окончаний.

ляются два залога — действительный (актив) и медиальный — J. Lyons; Einführung in die moderne Linguistik. 3. Auflage, München 1973, стр. 381). Значение глаголов с *-kse* в СВЯ таково же и в тех случаях, когда заглавное слово снабжено лишь пометой *v.*, т. е. глагол. Мы эти глаголы тоже относим к возвратным.² Меньшую группу глаголов с *-kse* составляют т. н. классические возвратные глаголы — объект и субъект действия совпадают (ср. залог возвратно-средний и залог возвратный — О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, Москва 1966). Классическими называем их по образцу русского языка, где возвратные глаголы такого значения считаются первым этапом формирования возвратных глаголов.

Итак, к возвратным мы относим все глаголы, при определении значения которых существенную роль играет связь между действием и субъектом.

В прибалтийско-финских языках возвратные глаголы известны как производные (реконструированные суффиксы **-te-* или **-tte-* и **-v-*, см. Laanest 1975 : 187—188). Такие производные есть и в вепском языке, например, уже упомянутый *lan̄kten, lämp̄teb* 'топится', *keraduda* 'собираться'. Количество производных с *u* в СВЯ значительно превышает 200. Это тоже возвратные глаголы, хотя соответствующая помета в СВЯ отсутствует.

Итак, в вепском языке практически имеются возвратные глаголы двух типов: 1) производные, спрягающиеся так же, как и остальные глаголы, и 2) глаголы без соответствующего словообразовательного суффикса, но имеющие особые словоизменительные суффиксы (группа В).

1.3.2. Тот факт, что глаголы группы В имеют особые окончания, т. е. налицо грамматическая оппозиция личных окончаний, и особые признаки всей парадигмы, позволяет говорить о возвратном спряжении в вепском языке. Выделить данную интерпретацию необходимо потому, что до сих пор в лингвистической литературе единое определение этого явления отсутствует, во всяком случае стремления к ясности в этом вопросе не отмечается: в системе Вийтсо введен возвратный залог, или медиум (Viitso 1968 : 150)³, в грамматическом очерке СВЯ парадигма группы В отражена в разделе «Возвратные формы» (Зайцева, Муллонен 1972 : 737), Сухонен оперирует понятием возвратное спряжение (Suhonen 1974 : 7—53).

1.4. Из 306 глаголов на *-kse* в СВЯ 39 имеют параллельные возможности для выражения того же значения: 1) производное с *u* от той же основы: Št⁴ *haikertaze* = J *haikarzuda* 'угореть', P J Pk *heraštadakse* = J Vil Šim *heraštuda* 'просыпаться', P J Čg Š *opetakse* = Čg *openuda* 'учиться' (18 случаев); 2) некоторые иные глаголы с *u*: P Šim S Sod *ajuŋtakse* 2 = P *fiñehtuda* 'обгуляться', P J Št *gottakse* = J L N Sod Kgl *kožuda* 1 'годиться', Kl Kask *suŋretaze* = Sod J Vil L *kurktuda* 'сердиться' (4); 3) та же основа без *kse*: Šim *katkeitas* = P Kj J Pk Š *katketa* 2 'надорваться', P *kuludakse* = P J Šim Krb N Čg *kuluda* 'слышаться', P J *tokatakse* = P J *tokata* 2 'упираться, опираться' (13); 4) синоним без признака возвратности: P *čokoidakse* перен. = *eh̄tta* 3

² В подтверждение приведем глаголы с пометой *v.* (СВЯ), значение которых находим у синонимичных им глаголов с пометой *v.* refl.: *čukñidaze, čostuidaze, homātaze, jakstas, katkeitas, kirotaze, kūhōrtase*.

³ Хотя Вийтсо, очевидно, не отрицает возможности рассмотрения возвратного спряжения (Viitso 1968 : 150).

⁴ Сокращения названий деревень в СВЯ здесь сохранены; список сокращений в конце данной статьи их не раскрывает.

'соваться, вмешиваться', Р Sim *skupfäkse* = *kidžeita* 2 'скупиться' (4).

По мнению автора настоящей статьи, особый интерес представляют группы 1 и 3. На основе сопоставления глагольных пар группы 1 можно констатировать, что параллели по значению совпадают: значение приводится у одного заглавного слова, второе снабжено отсылкой к заглавному слову с приведенным значением у 11 пар заглавных слов, двусторонняя отсылка налицо у 6 пар; одно и то же значение отмечено и у пар заглавных слов, где отсылка отсутствует.

Поскольку словари содержат лишь выборку словарного запаса языка и тем самым не являются исчерпывающими, очевидно, можно предполагать наличие большего количества параллельных возвратных глаголов, из которых один — производный, а второй имеет особую парадигму.

Попытаемся выяснить, почему в языке, располагающем возможностью возвратного словообразования, сложилась и возвратная парадигма, а также показать, какие предпосылки для этого были в вепском языке.

2.1. Примеры на употребление возвратных словоизменительных суффиксов можно найти и в восточном финского языка, ливвиковском и людиковском диалектах карельского языка, в ижорском языке (см., напр., Suhonen 1974 : 7—53).⁵ Поскольку все упомянутые диалекты по сравнению с остальными прибалтийско-финскими диалектами более интенсивно контактировали с русским языком, в котором морфологический признак возвратных глаголов в словообразовании отчетливо проявляется, предположение о возможном влиянии русского языка представляется обоснованным.

2.2. Многочисленная группа глаголов на *-ся*, образовавшаяся из когда-то существовавшей в русском языке конструкции глагол + возвратное местоимение *себя* (см., напр., Янко-Триницкая 1962 : 53), имеет в современном русском языке множество разных значений. Уже делалась попытка сопоставления значений глаголов с *-ся* и вепских глаголов с *-kse*, обнаружено заслуживающее внимания большое сходство (Suhonen 1974 : 19—25). Бросается в глаза тот факт, что в обоих языках невелико количество глаголов с классической семантикой, значительно больше медиальных глаголов (выражают происходящее в субъекте действие, в котором он участвует как целое — Laanest 1975 : 151) и (особенно в русском языке) глаголов со значением пассивного действия. Примеры: классические возвратные глаголы *pestakse* — рус. *умываться*, *sobdäkse* ~ *sätäkse* — *одеваться*; медиалы *külpfäkse* — *купаться*, *purdazę* — *кусаться*, *kumardakse* — *наклоняться*; с пассивным значением *pörtakse* — *возвращаться* (Suhonen 1974 : 19—25).

Сопоставляя же рассматриваемые глаголы в морфологическом (словоизменительном) аспекте, можно констатировать лишь определенное фонетическое сходство между русским суффиксом *сь ~ ся* и вепским суффиксом 3 л. ед. числа группы В, а также присоединяемым к инфинитивным формам и используемым в некоторых формах императива суффиксом. В русском языке как раз личного окончания и нет, потому что *сь ~ ся* присоединяется к форме, состоящей из основы исходного глагола и личного окончания (3 л. ед. числа исходного глагола *мыть* —

⁵ Можно считать, что использование возвратных словоизменительных суффиксов в ливвиковский и людиковский диалекты карельского языка пришло из вепского языка (из новейших работ о взаимосвязях этих диалектов см., напр., А. Р. Ваганцев, Eteläkarjalaisten murteiden alkuperän ongelmasta. — Karjalan synty. Symposio. 30. 6. — 2. 7. 1976. Alustukset, Joensuu 1977 (Joensuun korkeakoulu. Monistesarja A. Tutkimuksia ja selvityksiä. 24 A), стр. 65—66 и Р. S a m m a l l a h t i, Suomalaisten esihistorian kysymyksiä. — Vir. 1977, стр. 132).

это *моет*, отсюда возвратный *мо|ет|ся* 'моет себя', 1 л. мн. числа *мо|ем|ся* 'моем себя', 3 л. мн. числа *мо|ют|ся* '(они) моют себя' и т. д.), а в вепском языке, как показывают данные табл. 1, три возвратных окончания (С) или шесть (Ср, Ю), так что на все диалекты в целом для каждого грамматического лица имеется возвратное окончание.

Не совсем правдоподобно, чтобы при заимствовании из русского языка формального элемента, указывающего на возвратность, осталось, так сказать, незарегистрированным личное окончание перед суффиксом *сь ~ ся*, т. е. незамеченным значение *сь ~ ся* как суффикса, потому что в позиции, подобной рус. *сь ~ ся*, согласно структурным правилам прибалтийско-финских языков возможен только суффикс (напр., эст. *võta|biki* 'вот и берет', фин. *menen|hän* 'я же иду').⁶ Если русский возвратный суффикс все же заимствован в качестве суффикса, трудно объяснить, почему в вепском языке он должен был стать окончанием именно 3 л. Здесь необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что в вепском языке известны прежде всего заимствованные основы, которые приспосабливаются к системе словоизменений заимствующего языка.

3.1. Не отрицая определенного влияния русских глаголов с *-ся* как примера, разумно все же исходить из того, что формирование возвратного спряжения в вепском языке должно быть прежде всего связано с внутриязыковыми предпосылками. Данные табл. 1 позволяют искать связь с окончанием пассива (ср. окончание 3 л. ед. числа настоящего времени глаголов В *zõ ~ že ~ se* — личное окончание пассива *zõ ~ s*, в имперфекте соответственно *he ~ hez ~ he — he ~ hõ*), что и делалось. Например, Кеттунен (Kettunen 1925 : 34) усмотрел здесь возникший из местоимения 3-го лица суффикс, чья функция объекта весьма стара. На близость глаголов В и пассива, по мнению Кеттунена, указывает то, что пассив в вепском языке имеет окончание как ед. числа, так и мн. числа, а в далеком прошлом, может быть, имел и все грамматические лица. К таким же выводам о связи пассива финского языка с встречающимся в диалектах возвратным окончанием пришел Хакулинен (Haakulinen 1968 : 196).⁷

В качестве базы для формирования обоих суффиксов Пости предположил медиальный суффикс: в глаголах, значение которых сравнимо со значением индоевропейской глагольной группы *media tantum*, уже в прибалтийско-финско-саамский период мог функционировать особый суффикс 3 л. **-sen* (Posti 1961 : 360). Поскольку медиальные глаголы по своему значению близки к возвратным⁸, позже в ряде прибалтийско-финских языков, в том числе и вепском, окончание **-sen* могло секундарно приобрести и значение возвратности (Posti 1961 : 363; а также Tunkelo 1924 : 32), которое в настоящее время передает суффикс 3 л. ед. числа глаголов В *-se*. Старый суффикс со значением медиального залога сохранили южноэстонские диалекты, где 3 л. ед. числа имеет два окончания (ср. напр., *eläs* < **eläksen* 'живет', *elli* < **elihen* < **elisen* 'жил' и *añd* 'дает', *añd* 'дал' — Laanest 1975 : 150), а также три словоформы эстонского литературного языка (*kuulukse* 'слышится', *näikse* 'кажется', *tunnukse* 'чувствуется'). В своем предположении Пости исходил из того, что финно-угорский признак пассива

⁶ В русском языке допускается, хотя и не единодушно, толкование *сь ~ ся* как дери-вационного суффикса (Янко-Триницкая 1962 : 21).

⁷ В изложении Хакулиненна с ними объединяется еще финский посессивный суффикс 3-го лица: *taloaan* < **taloidahan* (Haakulinen 1968 : 196).

⁸ Здесь небольшое отступление в другую языковую семью: возвратные предложения греческого языка (напр., *louíomai* 'моюсь' — ср. *louío* 'мою (что-либо)', а также *louíomai khitóna* 'мою себе свою рубашку') толкуются даже как подвид среднего залога (J. Lyons, Einführung in die moderne Linguistik, стр. 381—382).

**ta* ~ **da* мог быть первоначально не суффиксом каузатива, как считалось раньше, а возвратным суффиксом (как и Сетяля в свое время — Setälä 1916 : 63). Поэтому соответствующий дериват, будучи по содержанию в то же время и медиальным глаголом, получил в качестве окончания 3 л. ед. числа суффикс *-*sen*.

Позже одновременно со стиранием разницы между двумя окончаниями 3 л., т. е. с утратой суффиксом *-*sen* функции личного окончания, произошел переход медиального значения производного в значение пассива ('он бьет себя → его бьют'), в результате чего в восприятии языка и пропала связь этой формы с 1 и 2 л., а появилось как бы совсем новое личное окончание в глагольной парадигме (часть авторов и фиксирует 4-е лицо, напр., в грамматической системе эстонского языка). Как и большинство фонетических и иных закономерностей и схем развития языка, представленное здесь развитие не претендует на абсолютное действие в отношении группы прибалтийско-финских языков в целом (в южноэстонских диалектах ведь и сейчас наличествуют два окончания 3 л.)⁹, что и позволяет выдвигать предположения диахронического плана.

3.2.1. На первый взгляд кажется, что в формировании окончаний глаголов В свою роль сыграли и посессивные суффиксы.

В настоящее время активность употребления посессивных суффиксов в вепском языке незначительна: довольно последовательно они выступают только в парадигмах личных местоимений и возвратного местоимения *iče* (Зайцева 1975 : 21—22). В табл. 2 они приводятся в сопоставлении с окончаниями глаголов В (примеры посессивных суффиксов: Зайцева 1975 : 20; Laanest 1975 : 116—117).

Таблица 2

Число и лицо	Посессивный суффикс		Окончание В		
ед. ч. 1 л.	<i>m</i>	<i>iń</i>	<i>mõĩ</i>	<i>moi</i>	<i>me</i>
2 л.		<i>iž</i>	<i>tõĩ</i>	<i>toi</i>	<i>te</i>
3 л.		(<i>n</i>) <i>zē</i>	<i>zõ</i>		<i>sē</i>
мн. ч. 1 л.	<i>moi</i>	<i>mõ</i>	<i>mõĩ</i>	<i>moiš</i>	<i>mõ</i>
2 л.	<i>toi</i>	<i>tõ</i>	<i>tõĩ</i>	<i>toiš</i>	<i>tõ</i>
3 л.	<i>zoi</i>	<i>zõ</i>	<i>zõ</i>	<i>soiš</i>	<i>sõ</i>

Предполагая, что появление южновепских окончаний глаголов В более первично, т. е. более логично развитие этих окончаний для каждого грамматического лица (см. и табл. 1, В), на основе сопоставления окончаний группы В и посессивных суффиксов констатируем следующее: во мн. числе окончания группы В и посессивные суффиксы фонетически сходны, то же можно отметить в 3 л. ед. числа; в 1 л. ед. числа сходство косвенно; во 2 л. ед. числа окончания В и посессивные суффиксы фонетически абсолютно различны. Поскольку *t* посессивного суффикса 2 л. мн. числа и *i* всех лиц мн. числа (в южновепском внутри долгого гласного) в посессивных суффиксах других прибалтийско-финских языков не встречаются (так как, по Laanest 1975 : 117, посессивный суффикс 2 л. мн. числа прибалтийско-финских языков — (*n*)*nV(G)*), разумно предположить в личных окончаниях мн. числа скорее следующее направление влияния: окончания В → посессивные

⁹ Заслуживает внимания то обстоятельство, что в южноэстонском и в настоящее время известен личный пассив. Эти факты представляются взаимосвязанными.

суффиксы (см. также Mark 1925 : 275—276). Обратное же направление влияния вполне вероятно для личных окончаний ед. числа; основанием для такого предположения служит фонетическое сходство рассмотренного выше **-sen* и посессивного суффикса 3 л. ед. числа. Собственно о влиянии можно говорить в связи с образованием лишь окончания 1 л., поскольку во 2 л. ед. числа помешало сходство посессивного суффикса с признаком условного наклонения *-iž(i)-* (предполагаем, что метатеза в посессивном суффиксе, см. Зайцева 1975 : 21, уже произошла). *tē*, употребляемое в качестве окончания 2 л., может быть тем самым словообразовательным суффиксом со значением возвратности, упомянутым при описании парадигмы глаголов группы В (см. 1.2).

3.2.2. Следует заметить, что суффикс *-te* лежит в основе всех возвратных форм тихвинского говора карельского языка (Рягоев 1977 : 147). В материалах Кеттунена обнаружен пример, позволяющий предположить, что и в южновепском диалекте когда-то могла быть иная парадигма В, чем теперь: *ženihuks voč tegetēt tsarīn tūtrelē* VMLT : 289 'ты еще станешь женихом царской дочки' (основа *tege-* 'делать' + *tē* + окончание 2 л. ед. числа *-d*, при следующем слове с глухого согласного *-t*). Поначалу примем этот факт лишь как подтверждение значимости суффикса *-te* для формирования парадигмы В.

Трудно представить себе, в каком временном порядке шло включение *-te* в парадигму В. Очевидно, можно предположить, что из личных окончаний глаголов В прежде всего вошли в оборот окончания 3 л. ед. числа настоящего времени. Тогда логично, что суффикс *-te* сначала употреблялся в его отрицательных формах (по аналогии с производными на *-te*).

В современном вепском языке производных с *-te* мало. Непродуктивность в качестве словообразовательного суффикса и функционирование в парадигме В во 2 л. ед. числа в качестве явного словоизменяющего суффикса, во 2 л. ед. числа повелительного наклонения и в форме основного глагола отрицательной конструкции настоящего времени в качестве условно словоизменяющего суффикса могут быть взаимообусловленными явлениями.

3.2.3. Личные окончания глаголов В мн. числа произошли от форм ед. числа. Все же остается неясным, почему признаком множественности служит именно *i*.

4. Вывод. Формирование возвратной парадигмы в вепском языке предположительно прошло следующие начальные этапы: I. Из прибалтийско-финского медиального суффикса **-sen* в вепском языке развился возвратный суффикс 3 л. ед. числа, уже существовавший к началу активных контактов с русским языком. II. Наличие суффикса 3 л. ед. числа глаголов В в вепском языке и его фонетическое сходство с суффиксом возвратных форм русского языка послужили толчком к формированию парадигмы глаголов В. III. Сначала возникли окончания глаголов В ед. числа. IV. В формальном плане на окончания глаголов В повлияла система посессивных суффиксов, так как наличествовало фонетическое сходство между окончанием 3 л. ед. числа глаголов В и посессивным суффиксом 3 л. ед. числа. Практически это влияние оказалось только на окончания 1 л. ед. числа. Препятствием для распространения его на 2 л. ед. числа стало сходство посессивного суффикса 2 л. ед. числа и признака условного наклонения. В парадигму вошел словообразовательный суффикс с возвратно-транслативным значением, который под влиянием аналогии с производными на *-te* функционировал уже в форме отрицания 3 л. ед. числа глаголов В и, вероятно, в форме 2 л. ед. числа повелительного наклонения; ведь у осталь-

ных глаголов эти формы совпадают.

Наличие окончания 3 л. ед. числа глаголов В к началу активных контактов вепсского языка с русским важно, во-первых, с точки зрения учета влияния русских глаголов на -ся на вепсскую глагольную парадигму, а во-вторых, как причина, согласно которой не вошел в употребление по русскому образцу одинаковый для всех форм суффикс возвратности, а образовались возвратные личные окончания и, наконец, в дополнение к существовавшим путям возвратного словообразования возникла парадигма возвратных глаголов.

Сокращения названий деревень

Южновепские: **Ar**s — Arskaht (Радогошь), **Bo**r (Красный Бор), **Kr**l — Kortlaht (Кортало), **Mg**j — Maigjärv (Боброзеро), **Po**ž — Požariš (Пожарище), **Sd**j — Sodjärv (Сидорово), **Sd**j — Sidjärv (Прокушево), **Tg**l — Tšaigla (Чайгино), **Ts**l — Tšasla (Иваново), **Tu**t — Tutuk (Сташково), **Vg**j — Vaagedjärv (Белое); средневепская: **Se**ik — Seikin.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972, Словарь вепсского языка, Ленинград.
 Зайцева Н. Г. 1975, Именное словоизменение в вепсском языке. (История и функционирование форм слова). Автореф. канд. дисс., Ленинград.
 Рягоев В. Д. 1977, Тихвинский говор карельского языка, Ленинград.
 Янко-Триницкая Н. А. 1962, Возвратные глаголы в современном русском языке, Москва.
 Hakulinen, L. 1968, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Helsinki.
 Kettunen, L. 1925, Lõunavepsa häälik-ajalugu I, Tartu.
 — 1943, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki (MSFOu LXXXVI).
 Laanest, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn.
 Mark, J. 1925, Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. I. Hälfte, Helsinki (MSFOu LIV).
 Posti, L. 1961, Itämerensuomalaisen verbitaivutuksen kysymyksiä. — Vir., 351—366.
 Setälä, E. N. 1916, Suomen passiivista. — Vir., 57—66.
 Suhonen, S. 1974, Lähisukukielten muoto-oppia ja lainasuhteita, Helsinki (Castrénin numin toimitteita 9).
 Tunkelo, E. A. 1924, Lyydiläismurteiden refleksiivinen verbintunnus -ze-. — Vir., 27—33.
 Viitso, T.-R. 1968, Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus. — Keele modelleerimise probleeme 2, Tartu, 3—244.

AIME KÄHRİK (Tallinn)

ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE REFLEXIVE PARADIGM IN VEPSIAN

The development of the reflexive paradigm in Vepsian probably passed through the following stages. 1. From the Baltic-Finnic medial suffix *-sen there developed the Vepsian 3 p. sg. reflexive suffix, which existed by the beginning of the period of active contacts with the Russian language. 2. The existence in Vepsian of a 3 p. sg. suffix and its phonetic similarity with the suffix of reflexive forms in Russian provided a stimulus for the development of the reflexive paradigm. 3. The reflexive endings of the singular developed first. 4. The formal side of reflexive endings was influenced by the system of possessive suffixes because there also was a phonetic similarity between the 3 p. sg. ending and the possessive suffix. This influence manifested itself practically only in the rise of the 1 p. sg. reflexive ending. In the 2 p. sg. the influence of the possessive suffix system was hindered by the similarity of the 2 p. sg. possessive suffix and the marker of the conditional. The translative-reflexive derivational suffix came to be included in the paradigm as it functioned on the analogy of the *te*-derivatives already in the negative of the 3 p. sg. reflexive form; sometimes likewise in the 2 p. sg. form of the imperative, since in the case of other verbs these forms are identical.

The existence in Vepsian of a 3 p. sg. reflexive ending by the time active contacts with Russian began is thus important, first, as a precondition enabling the influence of Russian *ся*-verbs to come into consideration at all, and, secondly, as the reason why an ending indicating reflexivity did not come into general use on the Russian pattern, but led to the development of reflexive personal endings and of a whole reflexive paradigm in addition to the existing possibility of deriving reflexives.